

УДК 1(091)

Н. В. Руденко

*Xiamen University (Сямэньский университет)
Сямэнь, 361005, Китай*

nikolay_rudenko@mail.ru

**«ЭССЕ О ДЕТСКОМ СЕРДЦЕ» (ТУНСИнь ШО):
ПЕРЕВОД И АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ**

Статья содержит комментированный перевод «Эссе о детском сердце» минского философа Ли Чжи (1527–1602), а также представляет анализ философских идей данного произведения, главным образом, гносеологических и эстетических. Корни центрального понятия эссе – «детского сердца», обнаруживаются еще в «младенческом сердце» Мэн-цзы, которое считалось естественным и благим, а также заключало в себе основные конфуцианские добродетели. В представлении Ли Чжи, «детское сердце» – первозданное и подлинное сердце, единственный адекватный инструмент познания, опирающийся на интуитивное и эмоциональное восприятие мира. Вместе с тем наличие «детского сердца» – необходимое условие для создания эстетически значимого произведения. Врагом «детского сердца» философ называет господствовавшее в минском обществе «учение о принципе» (*ли сюэ*), считая, что оно, будучи фальшивым по сути, овладевает сознанием и становится причиной утраты «детского сердца». Наконец, Ли Чжи оспаривает авторитет конфуцианских канонов, заявляя, что как авторство, так и актуальность их сомнительна, а также отказывается признавать основным критерием эстетической ценности произведения его соответствие стандартам древности.

Ключевые слова: китайская философия, неоконфуцианство, Ли Чжи, Эссе о детском сердце, детское сердце, тун синь.

Ли Чжи (1527–1602) – китайский философ эпохи поздней Мин, один из наиболее радикальных и оригинальных последователей «учения о сердце» Ван Янмина, идейно близкий представителям Тайчжоуской школы. Ли Чжи остался в истории, прежде всего, как противник «учения о принципе» братьев Чэн и Чжу Си, которое было принято в империи Мин в качестве официальной идеологической парадигмы. Он проявлял скептицизм по отношению к авторитету самого Конфуция, пересматривал традиционную оценку многих исторических персонажей и даже выражал идеи феминистического характера, что в реалиях того времени было явлением беспрецедентным. Неудивительно, что философ окончил свои дни в тюрьме, куда его заключили по повелению императора Шэнь-цзуна, обвинив в «проповеди ереси и обмане народа». Произведения Ли Чжи попали под запрет вплоть до самых последних дней существования монархии в Китае. Несмотря на это, обширное наследие философа, не в последнюю очередь благодаря своей популярности, дошло до нас практически в полном виде.

«Эссе о детском сердце» входит в «Книгу для сожжения», которая представляет собой сборник из примерно 290 эссе и писем Ли Чжи к единомышленникам и идейным оппонентам. По мнению современных исследователей творчества Ли Чжи (Чжан Цзянье [2010, Т. 1. С. 277], Сюй Цзяньпин [2005. С. 270], Цзо Дунлин [1997. С. 160]), данное произведение является важнейшим для понимания его философских воззрений.

Руденко Н. В. «Эссе о детском сердце» (Ли Чжи): перевод и анализ философских идей // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4: Востоковедение. С. 180–186.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Том 14, выпуск 4: Востоковедение

© Н. В. Руденко, 2015

Первый перевод эссе на европейский, а конкретно, на французский язык принадлежит швейцарскому синологу Жану-Франсуа Биллетеру (1979), на английский язык произведение переводилось американскими исследователями Стефаном Оуэном (1996), Ян Е (1999) и Полин Ли (2012) [Lee, 2012. P. 157]. В отечественной научной традиции некоторое внимание данному произведению в своих исследованиях уделили А. И. Кобзев [Кобзев, 2002] и Д. Н. Воскресенский [2006], однако перевод на русский язык к настоящему времени опубликован не был, что и побудило нас осуществить его в ходе настоящего исследования. Вместе с тем необходимо отметить, что автору также известно о переводе эссе, выполненном А. С. Арчуговой.

«Эссе о детском сердце»

В финале предисловия Горного крестьянина из Пещеры дракона¹ к «Западному флигелю» говорится: *«Мудрецом меня не величайте. Сердце [мое] все еще детское – довольно [и этого]»²*.

Детское сердце – подлинное сердце. Чего не может детское сердце, того не может и подлинное сердце. Детское сердце – ниспровергатель фальши и сама подлинность, [это] изначальное сердце девственного сознания. Потеряно детское сердце – потеряно подлинное сердце; потеряно подлинное сердце – потерян подлинный человек. Человек, лишившийся подлинности, никогда не станет снова прежним.

Дитя – начало человека, детское сердце – начало сердца. [Казалось бы], разве можно потерять начало сердца? [Но] отчего тогда детское сердце так скоро теряется? А вот отчего: уже в самом начале услышанное-увиденное проникает через уши и глаза и овладевает внутренним [миром], – а детское сердце теряется. Человек вырастает: [учение о] Принципе Дао проникает вместе с услышанным-увиденным и овладевает внутренним [миром], – а детское сердце теряется. Проходит время: услышанного-увиденного о Принципе Дао с каждым днем [становится] все больше, все шире [круг] познанного и усвоенного. Вместе с тем [человек], зная, что хорошая репутация достойна одобрения, старается, желая ее преумножить, – а детское сердце теряется; зная, что дурная репутация достойна презрения, старается, желая ее скрыть, – а детское сердце теряется.

Все услышанное-увиденное о Принципе Дао проистекает из чтения множества книг, в которых [этот] Принцип и разъясняется. Но разве совершенномудрые древности не читали книг? Допустим, не читали – [тогда] детское сердце утверждалось [у них] внутри. Допустим, читали, и много – [тогда] даже в этом случае [они] хранили свое детское сердце и не позволяли ему потеряться. [Как] непохоже [это] на [нынешних] ученых, что, напротив, перекрывают его чтением множества книг, в которых разъясняется смысл Принципа. А раз своими действиями эти ученые перекрывают себе детское сердце, зачем же совершенномудрые написали столько книг, оставили столько изречений? Неужто дабы перекрыть последователям [детское сердце]?

Если детское сердце перекрыто, то молвишь слово – выйдет неискренне; выбьешься [в люди] и займешься делами управления – выйдет бестолково, напишешь произведение – выйдет непроникновенно. Внутри не останется ни красоты, ни сиятельной чистосердечности. Захочешь подобрать добродетельные слова – не отыщешь ни одного. Отчего так? Оттого, что детское сердце перекрыто, а на его место встало сердце, [полное] пришедшего извне услышанного-увиденного Принципа Дао.

¹ Псевдоним Цзяо Хуна (1540–1620), друга и единомышленника Ли Чжи.

² Полин Ли переводит эту фразу следующим образом: «Мудрый не скажет, что у меня и по сей день детское сердце». Мы, тем не менее, не можем согласиться с такой трактовкой по двум причинам. Во-первых, вызывает сомнение ее соответствие контексту фразы Цзяо Хуна: «Наслаждаясь досугом в своей скромной обители, я между делом редактирую “Западный флигель”... В уединении я беру в руки произведение и зачитываю стихотворения из него дождливым дням и прекрасным лунным ночам. Так коротаю я время, забывая про грусть и нищету» (цит. по: [Ли, С. 46]). Оптимистично-романтический настрой автора слабо вяжется с его признанием в отсутствии детского сердца. Во-вторых, в переводе данной фразы (知者勿谓我尚有童心可也) проигнорирована конструкция 可也, которую можно перевести как «хорошо, ладно, довольно». Кроме того, 勿, как правило, является запретительной частицей, поэтому мы считаем более правомерным интерпретировать словосочетание 勿谓 как «не называйте».

Коль скоро сердце [наполнено] услышанным-увиденным о Принципе Дао, то все речи его будут об этом же, а [вовсе] не самостоятельными речами детского сердца. [Такие] речи [будут], конечно, складны, да только какое отношение [будут иметь они] к нему самому? Разве [в таком случае] не получится фальшивый человек, который изрекает фальшивые речи, совершает фальшивые поступки и создает фальшивые произведения? Ведь раз такой человек фальшив – в нем нет ничего, что было бы не фальшиво. Это приводит к тому, что когда обращаешься к фальшивому человеку с фальшивыми речами – он доволен; побуждаешь фальшивого человека к фальшивым поступкам – он доволен; обсуждаешь с фальшивым человеком фальшивые произведения – он доволен. Не остается ничего, кроме фальши, не остается и тени недовольства. Вся площадь охвачена фальшью, и как прикажете карлику разобраться, что к чему ³?

Поэтому, пусть даже появится на свет величайшее произведение в Поднебесной – оно утонет в [море] фальшивых людей и не дойдет в полной мере до следующих поколений. Разве [подобное] – редкость? Отчего же [так происходит]? Оттого, что величайшее произведение в Поднебесной не может не быть творением детского сердца. Если детское сердце надежно сохранить, то [учение] о Принципе Дао не пройдет, и услышанное с увиденным не укрепится [внутри], [тогда] никто и никогда не будет обделен творческой [энергией], исчезнет противная [всякому] творчеству однообразная регламентация структуры и стиля. Почему поэзия непременно должна быть [в стиле] сборников древности, почему проза непременно должна быть [в стиле] доциньской [эпохи]? [Ведь] после была [поэзия] Шести династий, а за ними [танские] «новые стихи» *цзиньти*, следом – «истории о необычайном» *чуаньци*, а после – пьесы *юаньбэнь* и постановки *цзацзюй*, «Западный флигель», «Речные заводы», нынешние восьмичленные сочинения – все это совершенные произведения [как] древности, [так и] современности. Нельзя рассудить, какие [из них] лучше, [руководствуясь] хронологическим критерием. Поэтому я, опираясь на вышесказанное, чувствую, что детское сердце само по себе содержит творческую [энергию]. Зачем же говорить о [соответствии] «Шестиканонию», зачем же говорить о [соответствии] «Лунь Юю» и «Мэн-цзы»?

«Шестиканоние», «Лунь Юю» и «Мэн-цзы» – это [если] не расхваленные слова чиновников-историографов, то приторно-елейные речи подданных. Если даже и не так, значит это бестолковые ученики и недалекие последователи [кое-как] запомнили речи [своих] наставников и путано, урывками, через пень-колоду записали их в книгу. А ученики последующие, не разобравшись, нарекли [сие] вышедшим из уст совершенномудрых и постановили видеть в этом канон. Знал бы кто, что большая часть [его] – вовсе не слова совершенномудрых! Но пусть бы и совершенномудрых – намеревались [они], в целом, всего лишь выдать лекарство согласно болезни и вовремя выписать рецепт, дабы помочь этой ватаге бестолковых учеников и недалеких последователей, не более. Лечение назначают в соответствии с болезнью, да и рецепты трудно оставлять неизменными, так разве можно тотчас объявлять [эти тексты] совершенными суждениями на все времена?

Таким образом, «Шестиканоние», «Лунь Юю» и «Мэн-цзы» – не что иное, как предмет демагогии ортодоксов и пристанище для фальшивых людей. Их, ясное дело, ни в коем случае нельзя считать словами, идущими от детского сердца. Увы, увы! Мне-то где отыскать подлинного совершенномудрого, что до сих пор не потерял детского сердца, и поговорить с ним о творчестве?

***

Перейдем к анализу философских идей произведения. Центральным понятием эссе является «детское сердце» (*тун синь*). В понимании философа «детское сердце» – это сердце, обладающее подлинностью и первоизданной незамутненностью. Корни «детского сердца» можно увидеть в понятии «младенческое сердце» (*чицзы чжи синь*), которое было использовано Мэн-цзы, он говорил: «Взрослый человек не должен терять младенческого сердца» ⁴. Мэн-

³ Отсылка к идиоматическому выражению «карлик глядит на сцену», обозначающему человека, который опирается лишь на мнения других, не имея возможности составить свое собственное. Фразу Ли Чжи можно переформулировать так: «Если все вокруг фальшивы, как прикажете разобраться, что к чему, человеку, у которого кроме мнений других нет иной опоры?»

⁴ Мэн-цзы. URL: http://www.guoxue.com/jinbu/13jing/mengzi/mz_008.htm (дата обращения 26.11.2014)

цзы считал, что природа человека является изначально благой, поэтому в его философии младенческое сердце – это благое сердце. Благость эта проявлялась в соответствии конфуцианским ценностям – человеколюбию, долгу, мудрости и соблюдению ритуала. В результате эволюции традиционного конфуцианства, в эпохе Мин под термином «младенческое сердце» стало пониматься сердце, соответствующее ценностям «учения о принципе» братьев Чэн и Чжу Си. Именно поэтому Ли Чжи, будучи идейным противником последних, не мог использовать данный термин.

Почему же философ обратился к термину «детское сердце»? Первое упоминание этого словосочетания мы можем увидеть в «Цзо чжуани», комментарии к летописи «Чуньцю». В записях за 31 год правления Сян-гуна сказано: «*Чжао-гуну было уже 19 лет, а сердце его было все еще детским. Благородному мужу [достаточно] этого, чтобы понять, что своей смертью умереть он не мог*»⁵. Каноновед Фу Цянь, живший в эпоху Восточной Хань, прокомментировал это следующим образом: «*Говорится о стремлениях незрелого человека, а потому и о наличии сердца ребенка*»⁶. Так было положено начало пониманию «детского сердца» как сердца человека незрелого, недостойного, не постигшего законов сущего. Подобная негативная семантика сохранилась до эпохи Мин. Конфуцианский мыслитель Люй Кунь, современник Ли Чжи, говорил: «*Детское сердце – это большой человеческий недостаток, только избавившись от него, можно стать благородным мужем*»⁷. Вероятно, для Ли Чжи «детское сердце», которое подразумевало непринятие законов сущего в изложении идеологов неоконфуцианства, как нельзя лучше подходило для того, чтобы выдвинуть его в качестве альтернативы «младенческому сердцу».

Помимо конфуцианской традиции, при создании «Эссе о детском сердце» Ли Чжи черпал вдохновение в идейном наследии буддизма и даосизма. Так, «детское сердце», которое лишено влияния «услышанного и увиденного», имеет явное сходство с «пустым» сердцем чань-буддизма, свободным от иллюзий суетного мира. Американский исследователь Полин Ли также акцентирует внимание на том, что термин «истинное сердце» *чжэнь синь*, с которым Ли Чжи отождествляет «детское сердце», представлен в «Сутре помоста» Хуэйцзэна, шестого патриарха Чань [Lee, 2012. P. 52]. Что касается даосской традиции, то еще в «Дао дэ цзине» детскому сознанию давалась положительная оценка: «*Тот, кто содержит в себе совершенную добродетель, подобен младенцу*»⁸. Кроме того, о влиянии даосизма на идеи Ли Чжи говорит завершающая фраза эссе: «*Мне-то где отыскать подлинного совершенномудрого, что до сих пор не потерял детского сердца, и поговорить с ним о творчестве?*». Сравним с цитатой из даосского классического трактата Чжуан-цзы: «*Где бы мне найти забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить?*»⁹. Аллюзия налицо.

Главным объектом критики эссе и одновременно антагонистом «детского сердца» является фальшь. Фальшь – антипод подлинного и истинного, а не благого и должного. Из этого можно сделать вывод, что в концепции «детского сердца» этическая сторона является подчиненной по отношению к гносеологической: «детское сердце» ценно в первую очередь как инструмент познания мира. Угрозой же для «детского сердца», т. е. для самой возможности познания, Ли Чжи объявляет «учение о принципе». «*Отчего детское сердце так скоро теряется? А вот отчего: ...[учение о] Принципе Дао проникает вместе с услышанным-увиденным и овладевает внутренним [миром], – а детское сердце теряется*». Здесь неоконфуцианские идеи не только оспариваются как не соответствующие истине, но и характеризуются как источник фальши, перекрывающий «детское сердце». Таким образом, философ осознанно ставит себя в радикальную оппозицию господствовавшему в общественной жизни эпохи Мин «учению о принципе».

⁵ Чуньцю Цзо чжуань (Комментарий Цзо к летописи «Чуньцю»). URL: <http://www.guoxue.com/book/cqzz/0009.htm> (дата обращения 26.11.2014).

⁶ Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). URL: http://www.guoxue.com/shibu/24shi/shiji/sj_033.htm (дата обращения 26.11.2014).

⁷ Люй Кунь. Шэнь инь юй (Стенания) URL: <http://www.doc88.com/p-8061930441127.html> (дата обращения 26.11.2014).

⁸ Дао дэ цзин (Канон Пути и Благодати). URL: <http://www.guoxue.com/book/laozi/0002.htm> (дата обращения 26.11.2014).

⁹ Чжуан-цзы. URL: <http://www.guoxue.com/book/zhuangzi/0026.htm> (дата обращения 26.11.2014).

В продолжение критики общепринятых гносеологических воззрений, Ли Чжи отказывает конфуцианским канонам в праве считаться источником истины, подвергая сомнению авторство канонических произведений. Кроме того, философ не считает слова «совершенномудрых древности» абсолютной истиной и безусловным императивом поведения, а утверждает их относительность, ограничивая актуальность их высказываний объектом наставлений, имеющимся недостатками объекта наставления и временной принадлежностью наставлений. Несмотря на использование довольно традиционного для китайской философии метода суждения по аналогии, в данном случае – с помощью уподобления этических наставлений лечению болезни, – Ли Чжи приходит к нестандартным выводам. Наиболее любопытным из них нам представляется утверждение об утере актуальности наставлений с течением времени. Оно, вероятно, знаменует собой начало перехода от циклической исторической модели к модели эволюционной, т. е. подверженной качественным изменениям. Именно последняя позже получила отражение в трудах мыслителей нового и новейшего времени Ван Фучжи, Кан Ювэя и Лян Цичао.

Эстетические идеи «Эссе о детском сердце» также отличаются оригинальностью. Ли Чжи заявляет: *«Почему поэзия непременно должна быть [в стиле] сборников древности, почему проза непременно должна быть [в стиле] доциньской [эпохи]? [Ведь] после была [поэзия] Шести династий, а за ними [танские] “новые стихи” цзиньти, следом – «истории о необычайном» чуаньци, а после – пьесы юаньбэнь и постановки цзацзюй... Нельзя рассудить, какие [из них] лучше, [руководствуясь] хронологическим критерием»*. В этом отрывке философ критикует актуальный для своего времени подход к оценке литературных произведений. Принцип «проза непременно должна быть [в стиле] Цинь и Хань, поэзия непременно должна быть [в стиле] великолепной Тан», был сформулирован в конце XV в. «Ранними семи мыслителями» – объединением деятелей культуры, призывавших вернуться к древним стандартам в искусстве. Позже в середине XVI в. значительное влияние при дворе получили представители «Поздних семи мыслителей», которые проповедовали схожие идеи. Именно против них направляет свою критику Ли Чжи.

Что же философ выдвигает в качестве альтернативного эстетического критерия? Наличие или отсутствие у автора произведения «детского сердца». Он говорит: *«Я чувствую, что детское сердце само по себе содержит творческую [энергию]... Если детское сердце надежно сохранить,... то никто и никогда не будет обделен творческой [энергией]»*. Таким образом, «детское сердце» является необходимым не только для познания мира, но и для создания творчески полноценного произведения, т. е. имеет как гносеологическое, так и эстетическое значение.

Подведем итоги нашего исследования. «Эссе о детском сердце», прежде всего, содержит идеи гносеологического и эстетического характера, опирается на конфуцианскую, даосскую и чань-буддийскую традиции и отличается крайним критицизмом по отношению к господствующим представлениям своего времени. Тезисно идеи эссе можно сформулировать следующим образом:

- «детское сердце» – сердце, обладающее подлинностью и первоначальной незамутненностью;
- «детское сердце» – инструмент познания мира, способный преодолеть «фальшь»;
- «учение о принципе» губительно для «детского сердца» и потому является препятствием для познания мира;
- конфуцианские каноны не являются источником истины, поскольку и авторство, и актуальность их сомнительна;
- наличие «детского сердца» – необходимое условие для создания эстетически значимого произведения, соответствие же древним стандартам таковым условием не является.

Список литературы

- Воскресенский Д. Н.* Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на байхуа: Собр. трудов. М.: Вост. лит., 2006. 662 с.
- Кобзев А. И.* Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит., 2002. 606 с.

Ли Чжи цюань цзи чжу [李贽全集注] Полное собрание сочинений Ли Чжи с комментариями: В 26 т. Т. 1: «Книга для сожжения», ч. 1. / Глав. ред. Чжан Цзянье [张建业]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсюань чубаньшэ, 2010. 366 с.

Сюй Цзяньпин. Ли Чжи сысян яньбяньши [许建平. 李贽思想演变史] Эволюция идей Ли Чжи. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2005. 391 с.

Цзо Дунлин. Ли Чжи юй вань Мин вэньсюэ сысян [左东岭. 李贽与晚明文学思想] Ли Чжи и литературные идеи поздней Мин. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1997. 347 с.

Lee P. C. Li Zhi: Confucianism and the Virtue of Desire. New York: State Univ. of New York Press, 2012. 186 p.

Материал поступил в редколлегию 02.02.2015

N. V. Rudenko

*Xiamen University
Xiamen, 361005, China*

nikolay_rudenko@mail.ru

«ON THE CHILDLIKE HEART-MIND» (TONGXIN SHUO): ANALYSIS OF PHILOSOPHICAL IDEAS

The article contains a commented translation of the essay *On the Childlike Heart-Mind* of the Ming philosopher Li Zhi (1527–1602) and presents the analysis of its philosophical ideas, mostly in the spheres of gnoseology and aesthetics. The essay was translated into French in 1979 by Jean-Francois Billeter, into English in 1996 (Stephen Owen) 1999 (Yang Ye) and 2012 (Poline Lee). Up to the present day, no Russian translation of the essay has been published. Author hopes that the translation of the essay *On the Childlike Heart-Mind*, one of the most famous and important works of Li Zhi, into Russian, will be helpful for further research of Li Zhi's ideas in Russia.

The roots of “childlike heart” can be seen in “infant’s heart”, which was put forward by Mengzi. Mengzi’s meaning of it was “good heart”, a heart given by nature, a heart which complies with the main Confucian values: benevolence, justice, wisdom, and following rituals. As a result of the evolution from the traditional Confucianism to the Neo-Confucianism, “infant’s heart” began to start meaning the heart which complies with the “theory of the principle”. Li Zhi was the ideological opponent of this theory, so he could not use the term “infant’s heart” for his purposes. Instead of that, he had chosen another term, “childlike heart”. Its locus classicus is the canonical historical text *Commentary of Zuo* (*Zuo zhuan*), and its original meaning was “the heart of immature, worthless person”. Li Zhi kept the opposition between “infant’s heart” and “childlike heart”, but obviously revalued these terms.

In Li Zhi’s view, the “childlike heart” is the primeval and genuine heart, the only adequate instrument of cognition based on intuitive and emotional perception of the world. At the same time, the “childlike heart” is necessary for creation of composition remarkable in the way of aesthetics. The philosopher claims that the enemy of the “childlike heart” is “the theory of the principle” (*li xue*), which had a dominating position in the Ming society. Li Zhi considered this theory counterfeit per se and accused it of being the reason of loss of the “childlike heart”. Finally, Li Zhi challenged the authority of the Confucian classics and stated that its authorship and urgency are quite doubtful; moreover, he refused to consider the accordance of the composition with ancient standards as the main aesthetic criteria.

Apart from the Confucian tradition, Li Zhi, while writing *On the Childlike Heart*, obviously got inspired by Taoist and Buddhist teachings. His “childlike heart” is quite similar with “empty heart” of Chan-Buddhism, which is free from any influence of the outer world, of anything “heard and seen”. Concerning Taoists, its fundamental work *Tao Te Ching* contains the approbation of the childlike mind, moreover, the appreciation of emotional and essential behaviour is also an inherent

part of the Taoist thought. Hence, it is possible to say that *On the Childlike Heart* had accumulated the ideas of all three main Chinese teachings.

Keywords: Chinese philosophy, Neo-Confucianism, Li Zhi, On the Childlike Heart-Mind, Child-like heart, Tong xin.

References

Li Zhi Quan Ji Zhu [李贽全集注] The Full Collection of Li Zhi's Works with Commentaries: 26 v. V. 1: «The Book to Burn», part 1. Zhang Jianye (ed.) [张建业]. Beijing, Shehui kexue wenxuan chubanshe, 2010. 366 p.

Xu Jianping. Li Zhi Sixiang Yanbian Shi [许建平。李贽思想演变史] The Evolution of Li Zhi's Ideas. Beijing, Renmin chubanshe, 2005. 391 p.

Zuo Dongling. Li Zhi yu Wan Ming Wenxue Sixiang [左东岭。李贽与晚明文学思想] Li Zhi and the Literature Ideas of the Late Ming. Tianjin, Tianjin renmin chubanshe, 1997. 347 c.

Voskresenskij D. N. Literaturnyj mir srednevekovogo Kitaja: kitajskaja klassičeskaja proza na bajhua: sobranie trudov [Literature world of the Medieval China: Classical Chinese prose written in Baihua: A collection of Works]. Moscow, Vostochnaja literatura, 2006. 662 p. (in Russ.)

Kobzev A. I. Filosofija kitajskogo neokonfucianstva [The philosophy of the Chinese neo-confucianism]. Moscow, Vostochnaja literatura, 2002, 606 p. (in Russ.)

Lee P. C. Li Zhi: Confucianism and the Virtue of Desire. New York, State University of New York Press, 2012. 186 p.